Выше и мудрее строк

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬКИН

18+

Сергей Василькин

Выше и мудрее строк

«Издательство Интернационального союза писателей»
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Василькин С.

Выше и мудрее строк / С. Василькин — «Издательство Интернационального союза писателей», 2026

ISBN 978-5-6056384-9-0

В стихах, включённых в сборник, бурлит горячая кровь поэзии – глубокие и точные образы, через которые раскрывается смысл произведений и мировоззрение поэта. Эти стихи обращены не столько к событиям, сколько к проявлениям человеческой природы, к чувствам, мыслям и внутренним движениям души. Между строк здесь звучат размышления поэта, а читателю открывается глубина и красота поэзии – то, что «выше и мудрее строк».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6056384-9-0

© Василькин С., 2026
© Издательство Интернационального союза писателей, 2026

Содержание

Жизнь, что схватим на лету 7
Выше и мудрее строк 7
Родословная поэта 9
Стих – немножко грешно 11
На собственную смерть 12
Завидую собакам 13
Столице 14
Перрон 15
И время встало, как туман 16
Но теперь ловлю иное 17
Ждёт меня пожива 18
Ищи жену 19
Хвастун 20
Старость и смерть 21
Приютил у себя Одиночество 22
Не для красного словца 23
Старики умом богаты 24
Я не странник 25
Когда приходят сны 26
Их тела истлели 27
Рабы-рабовладельцы 28
Мы видим то, что ценим 29
Мои облака 30
Лабиринт 31
Всё изменится всецело 32
Меняю кожу 33
Укор замрёт стыдливо 34
С Уайльдом невозможен спор 35
Напрочь замурованная дверь 36
Мне, несчастному, утеха 37
Приключение опасно 38
Как и всё наше стадо 39
Ты сам творец своей судьбы 40
Торговец сквозняками 41
Таблетки от страха 42
Призыв поэта 43
Покурил натощак 44
Закрыт ларец 45
Не золотую мишуру 46
Люди хуже 47
Кто меня на смерть обрёк? 48
Господь, оставь поэта! 49
И в талант поверится 50
Будь счастлив 51
Невыносима жизнь 52
Это – песенка моя 53

Ведёт Россия СВО 54
Россия велика 55
Ведёт Россия сво 56
Моей России 58
В России мы росли 59
Завтра в пекло снова 60
Не поэзия, а пушки 61
Найдите аргумент железный 62
Смотря сюжеты про войну 63
Победу мы благодарим 64
Родина великая, родная 65
Стоять за жизнь страны 66
Когда жизнь в живом ещё облике стёрта 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Сергей Василькин
Выше и мудрее строк

© Сергей Василькин, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

* * *

Жизнь, что схватим на лету

Выше и мудрее строк

Стихи – красивые слова,

А не геройские поступки,
Дитя скорее хвастовства,
Алмаз сверкающий, но хрупкий.

К примеру, я в них – сердцеед,
Со всех сторон типаж геройский,
Смекалист, словно Архимед,
И друг всем абсолютно свойский.

А что на деле? Знает кто?
Быть может, эдакий чертяка!
Возможно, что и без пальто.
Сам знаешь, что бывает всяко.

Но даже если обману,
То сделаю совсем не злобно.
Да и не верить болтуну
Любое мнение способно.

Но обязательно прочти
Мои изысканные строки,
Проведшие век взаперти,
Они в слезах и одиноки.

Но есть в них несомненный прок:
Изложенное крайне сжато,
Что выше и мудрее строк,
Парит, как ставшее крылатым.

Возможность видеть в вышине
Для птиц высокого полёта —
Задача ясная вполне,
Но даже ты увидишь что-то.

Родословная поэта

Кто молод, тот не знает славы,
Ему и бездарь господин.
Царящие повсюду нравы
Покорны доблести седин.

И я метался в подающих,
Писал «неплохо», даже «рос»
В глазах поэтов «всемогущих».
О большем не стоял вопрос.

Не звали другом или братом,
Качали только головой,
Когда в стихах своих крылатых
Я славил образ роковой.

Перечить сразу было тяжко,
И я терпел унылый хор,
В нём каждый вроде бы бедняжка,
На самом деле – ловкий вор.

Бунтую. Не стерпелось всё же.
Как началось, не вспомню я.
Быть может, провиденье Божье
Сорвало маску холуя.

Итак, я вышел против света,
Несущего кромешный мрак,
Неся апломб авторитета,
Улыбку, как лихой смельчак.

Признаться, значимо лишь это
В моей незначимой судьбе.
Из предков звание поэта
Никто не ставил на гербе.

Не побеждали предки шведа,
Не покоряли и Париж,
Не защищали от соседа
Родную Русь, её престиж.

Тащили тяжкий воз крестьянский:
Пахали, сеяли, пасли,
Кормили выводок дворянский,
Скребли в сусеках что могли.

Да, я – потомственный крестьянин.
Мать – педагог, вот первый чин!
Сам – офицер, хоть безымянен,
Да не последний из мужчин.

Теперь признания поэтов
Хочу добиться… Нелегко!
Из мира смутных силуэтов
Нельзя увидеть далеко.

Стих – немножко грешно

Стих – немножечко грешно,
В нём усмешка и сомненье,
Ароматное вино,
Мысли новой пробужденье.

Взгляд, пронзающий насквозь,
В нём азарт и дерзкий выпад,
Проникающий, как гвоздь,
И весомый, словно глыба.

Стих – убийственный клинок,
Выкованный из тумана,
Сердца жуткий закуток
И влюблённая путана.

Юмор! Как же без него?
Врать? Так ври как очевидец,
Чтобы верилось легко,
Что стихи писал провидец.

А приправа – сладкий грех,
Обнажи любовью душу.
Сняв зазубренный доспех,
Выверни её наружу.

Но всё это не спеша,
Как любое дело, с толком.
Не получишь и гроша —
Сохранишь хотя бы холку.

На собственную смерть

Вы – лицемерные потомки
Кровавых алчущих царей,
Чьё место – жалкие потёмки
В тени стальных богатырей.

Вы те, чей страх – виновник смерти,
Любви сердечной лишены.
Вы добродетельны без чести,
Без чувства долга и вины.

Вы – жить привыкшие во прахе,
Ослепнув от огня звезды,
Теперь кровь лижете на плахе,
Пока её жар не остыл.

Свершилась месть, от крови пьяны.
А в нераспаханных полях
Всё поросло кругом бурьяном
На неоплаканных костях.

Свершилась казнь, и вы довольны!
Но, хоть талант и одинок,
Я верой, может быть, крамольной
Предвижу золотой венок

На неухоженной могиле,
Стоящей с краю без креста,
Того, кого вы не ценили,
Кто жил как круглый сирота.

Завидую собакам

День как день. С утра – щетина,
А на солнце – толстый шмель,
Слышен редкий скрип петель,
А со мной – всегда кручина.

Звёздный путь сияет где-то
И бескрайний океан,
Подо мной скрипит диван,
На полу лежит газета.

Щурюсь радостно на солнце
И вдыхаю ветерок,
Но всё так же одинок,
А кручина не сдаётся.

Где-то борются идеи,
Я валяюсь, как тюлень,
На лопатках держит лень,
Мысли душат, как злодеи.

Может, капелька экстрима
Подняла б меня со дна?
Жизнь движения полна,
Но летит всё время мимо,

Не волнуя ни мечтами,
Ни заманчивой игрой,
Ни парадной мишурой,
Ни святыми чудесами.

Вот бездомный пёс-дворняга
Деловито пробежал.
В этот миг я осознал,
Что завидую собакам!

Столице

Приветствую тебя, Столица!
Встречай, вернулся блудный сын!
Не потерял тебя частицу
В глубинах жизненных пучин,

Пронёс тепло твоё сквозь годы.
А помнишь, были времена,
Когда в дни подлинной свободы
Мы выпивали жизнь до дна.

Ну что глядишь? Да, постаревший,
На вид уже не шалопай,
Не годы – напрочь жизнь пропевший,
Ещё и вздорный краснобай!

Но в глубине души серьёзен,
Беседы умные веду,
Не изъясняюсь больше в прозе
И заимел себе мечту.

Тебя, как деву молодую,
Стихами соблазнить хочу.
Есть опасение, не скрою,
Что это мне не по плечу.

Но, как бы ни было, Столица
Далёких и счастливых дней,
Опять ты – главная страница
Печальной повести моей.

Перрон

Перрон для нас не просто место —
Начало и конец пути.
Прощаясь или в час приезда
Здесь можно счастье обрести.
К примеру, если стук колёсный
Везёт к красотке грациозной
Подтянутого паренька,
По признакам, издалека,
То по волнению и взглядам
Любой рассеянный поймёт,
Что эта встреча им как мёд
И наивысшая награда.
Любим и памятен перрон
Сердцам, стучащим в унисон.

Но он бывает жуткой сценой
Тем, у кого в один конец
Билет заказан волей скверной.
И ты, заносчивый гордец,
Застыв у страшного порога,
Вдруг понимаешь, как же много
Своей души оставишь здесь,
А сердцем долго будешь весь.
В тот час во мраке солнце тонет
И плакать хочется навзрыд,
Всё тело, скрючившись, дрожит,
Вот-вот жизнь горькую отторгнет.
И ты готов пасть на перрон,
Издав последний тяжкий стон.

И время встало, как туман

Весна надежду заронила,
Повсюду чудеса творя,
Когда зима почти сломила,
Грозя повтором января.

Сады цвели, звенело лето,
Тепло сменил палящий зной.
Забыл, как греться старым пледом,
Тоской не грезил под луной.

Не человек – венец природы —
Чередование даров:
Весной – цветение и всходы,
А осень – время для плодов.

А у людей нет постоянства,
Не знают, что там, впереди,
Живут по правилам коварства:
Желаешь счастья – укради!

А время мчится, словно ветер,
Любовь – с ним, ветреная блажь.
Они не могут быть в ответе
За то, что верилось в мираж.

Как ветер, ты ласкался нежно
И бился, словно ураган,
Теперь колышешься небрежно
И время встало, как туман.

Но теперь ловлю иное

Целый век одно и то же:
Лишь томительным молчаньем
Дух скорбящий мой встревожен
Да бесплодным ожиданьем.

В окна вижу: ночь слепая,
Небо хмурое без красок.
Время мчит, не уставая,
Унося быль добрых сказок.

Пешехода взгляд лукавый
Смотрит в поисках ответа:
Кто я – старец моложавый
Иль юнец, чья песня спета?

Встречусь взглядом с примадонной,
Сердце вскрою смелым словом,
Но в стене прочней бетонной
Тут же буду замурован.

Наговариваю, впрочем.
Стариковское брюзжанье!
Жизнь всегда была «не очень»:
Встречи, ссоры, расставанья.

Но теперь ловлю иное:
Одинок в толпе безликой,
И когда нас только двое,
И когда обласкан Никой.

Ждёт меня пожива

Жизнь не щадила, не жалела,
Скрывала счастье и удачу,
Гоняла без толку и дела
И удивлялась, что не плачу.

Благодарю её за это,
Терплю капризы от любимой,
Они мне вместо амулета,
Чтоб пролетал миг скорби мимо.

Пусть жизнь толкает на дорогу
И жилы тянет до надрыва,
Перенесу свою тревогу
В надежде: ждёт меня пожива!

Ищи жену

Когда противно то и это
И всё на свете тяготит,
Зима печалит даже летом
И всем заведует лимит,

Не позволяющий вслед птицам
Нестись в бескрайней синеве
И верить чудным небылицам,
Рождённым в буйной голове,

Печальной, словно пепелище…
Себе лукаво подмигну:
«Не надо паники, дружище,
Настал момент, ищи жену!»

Хвастун

Ничтожен, жалок и смешон,
Когда меня гнетут сомненья,
Когда судьбы стальные звенья
Скрепляет крашеный картон.

Но если я иду на вы,
Встав против некой силы твёрдо,
То, видя бешеного чёрта,
Дрожат и царственные львы.

Бывает, и в любви везёт!
Тут обожаю неприступных,
Когда в уколах обоюдных
Лёд рушится и «хлещет» мёд.

Старость и смерть

Вот и дожил! Старость! Караул!
За годами кралась незаметно,
Но однажды я её спугнул,
И тогда оскалилась зловредно.

«Старость, со старушками гуляй,
Я тебе пока что не по силам,
За семь вёрст помчусь, чтоб киселя
Похлебать, как мне бы ни грозила».

«Экий уморительный чудак!
Ты ещё узнаешь силу хватки,
Быстро мой невидимый кулак
Выдавит души твоей остатки.

Не бросаюсь на людей я днём,
Если светел он под небесами,
И ночами, если те – с огнём,
И когда устелен путь цветами.

Я приду, когда ты одинок,
По призыву пасмурного взгляда,
И толкну, как бес, в другой лишь бок,
И покорность получу в награду!

Да не бойся ты моих морщин,
Не прошу я страстных поцелуев,
Избегай полётов и стремнин,
Не страдай, от страсти обезумев.

Мы ещё с тобой свет покоптим,
Не дошла к тебе моя сестрёнка,
Вот тогда поймёшь, как ты любим,
Даром что с косой и разведёнка».

Приютил у себя Одиночество

Приютил у себя Одиночество,
Заживём, думал, с ним припеваючи.
Величать собирался без отчества,
Но недолго пожили играючи.

Одиночество – детище скверное,
Не поделится грустью и радостью.
Равнодушие в нём непомерное
Приносило душевные тягости.

Принимало вид гордого гения,
Вынуждало жить грёзами прошлого,
Отвергало живое общение,
Ожидай, мол, внимания Божьего.

Иногда до зубовного скрежета
Доводило надменным презрением,
Ни укором, ни запахом вермута
Не сумел заслужить уважение.

Собирался прогнать друга ложного,
Да надежду лелеял напрасно я.
Не нашёл боевого, надёжного,
Так и мыкаю горе злосчастное.

Не для красного словца

Не для красного словца
Разгоняю эти строки,
В них – бессмертие Творца,
Бесконечные дороги.

Устремляюсь с ними ввысь,
Растворяюсь в чёрной бездне,
Говорю себе: «Держись!» —
И подхватываю песни.

Удлиняю жизни срок,
Сокращаю расстоянья,
Ускоряю кровоток,
Расширяю круг сознанья.

А тебе, далёкий друг,
Растревожу, может, душу,
Скрашу быт твой и досуг,
А возможно, оглоушу.

Не для красного словца
Разгоняю эти строки,
Лишь «величие» слепца
Добавляет мне мороки.

Старики умом богаты

Жизнь несётся всё быстрее,
Грохоча на полустанках,
С каждым новым юбилеем
Всё опаснее болтанка.

Всё труднее без стакана
Обратить неловкость в шутку,
Оторваться от дивана,
Дать каникулы рассудку.

Стал везде искать причину
И терпимей к промедленью,
Страсти жгучую лавину
Называю дребеденью.

Не уснуть без капель горьких,
Без лекарств различных типов
И стихов своих коротких,
Где немало тяжких всхлипов.

Старики умом богаты,
Но свершёнными делами
Очень часто простоваты,
С чем согласны даже сами.

Тем не менее не могут
Уступить мир молодёжи,
Охраняют гиблый омут,
Недоступный искре Божьей.

Я не странник

Я не странник, бредущий по свету,
Сторонящийся праздной толпы,
Не соперник бойцу-сердцееду,
Красоту вижу взглядом слепым.

Не вспашу, не взращу, не построю
Ничего я уже на земле.
Не пошлют мне привет, как герою,
Люди в тёплой своей похвале.

Я, как зверь, изгоняемый всюду,
Где есть крохи чужого ломтя,
Никогда признаваем не буду,
Хоть и музой любим как дитя.

Вроде бы стихотворное вече —
Место, где быть не может обид,
Но сознанье поэтов овечье
Лишь чудовищ ужасных хранит.

Белый лист в одеянии чёрном,
Словно в трауре, тягостно ждёт,
Что топор остриём закалённым
Все надежды его пресечёт.

Когда приходят сны

Солнце засыпает в синей дали,
Чтобы завтра было всем теплей.
На легко темнеющей вуали
Звёздочки всё ближе и светлей.

Темень опускается на землю,
Крадучись, туманом вьются сны,
Ждут, когда уставшие задремлют
В море бесконечной тишины.

По каким неведанным приметам
Ищут сны путь к тем, кто ныне ждёт
Милой краткой встречи до рассвета?
Кто – возможность пережить полёт?

К тем, кому порыв неосторожный
Превратит задуманное в прах?
К тем, кто в думах: жизнь прожив безбожно,
Кем предстанешь в будущих мирах?

Ни однажды сон не перепутал
Адресата, ждущего его.
Вероятно, с кем-то больше пуда
Съело за все годы волшебство.

Многие со мной не согласятся:
«Ну какое это волшебство?»
Им отвечу: сны порой мне снятся —
В миг кровавой сшибки боевой.

И когда свет от улыбки нежной
Озаряет солнышка сильней,
И стихией внутренней мятежной
Создаётся множество идей.

Их тела истлели

Собака лает, караван
Шагает мимо равнодушно.
Песчаный грозный океан —
Не то, что этот лай натужный.

Никак до места не дойти
Напрасно втянутым в бодягу:
Кидаться злобно на пути
Камнями в каждого бродягу.

Признайте мудрость этих слов,
Вы, кто идёт к заветной цели,
Среди жары и вечных льдов…
Кто против, те давно истлели.

Рабы-рабовладельцы

Непостижимо мир устроен
Для бесконечных войн, торгов.
Владеют им купец и воин,
Всех обратившие в рабов.

Когда-то слыхивал такое:
Людские души – не товар,
Но лишь невежество слепое
Яд принимает за нектар.

Вот что мне кажется забавным:
Закабалённые рабы
Считать не смеют делом главным
Освобождение судьбы.

Рабовладельцы по натуре,
Рабы желают одного:
Пожить в престижной синекуре,
Раба имея своего.

Мы видим то, что ценим

В тех, с кем судьба свела,
Мы видим то, что ценим,
Как будто в зеркала
Глядимся с восхищеньем.

Не в силах ни молва,
Ни опыта сомненья
Нарушить колдовства
Слепого отраженья.

В плену у чувств своих
Живём мы год за годом,
Пока ход дел простых
Не вскроет суть природы

Любимых прежде черт,
Желанных мыслей, действий.
Тогда свет Божий мерк
От гибельных последствий.

Мои облака

Облака – то занавеска с кружевами,
То чудовища, подобные земным,
То долины с бесконечными садами,
Расплываются порой, как белый дым.

Равнодушны, переменчивы, ленивы.
Дела нет им никакого до забот,
Прижимающих к земле всех тех, кто живы,
И гнетущих тех, кто к вечеру умрёт.

Не осталось ничего от жизни прежней,
В этой новой – только я и облака.
Полечу за ними птицей белоснежной,
Размышляя о минувшем свысока.

Лабиринт

В лабиринтах путаемся вечно,
Бродим, упираясь слепо в стены:
Кто – волнуясь, большинство – беспечно, —
Продолжая сочинять катрены.

Не мечтаем, ничего не видим,
Двигаясь вдоль стен без ощущений,
Взгляд надёжно прикрываем ими
От ужасных и чудны́х видений.

Стены вдоль дороги слева, справа
Заслоняют след звезды далёкой.
Но мы верим: истинная слава
За углом идёт походкой лёгкой.

В этой вере мы неисправимы.
Что мешает думать нам о многом?
То, что мысли стали недвижимы,
Занятые личным эпилогом.

Всё изменится всецело

Всё случившееся с нами
Принимай с безумством веры,
Что не скрыться за щитами
От когтистых лап химеры.

Так бывает, знаю точно:
То, что виделось фатальным,
Становилось, как нарочно,
Фейерверком триумфальным.

Находясь в когтистых лапах
У судьбы остервенелой,
Верь: на будущих этапах
Всё изменится всецело.

Например, вот эти шрамы —
От чего они, не помню.
А гора небесной манны
Скрыла вход в каменоломню.

Меняю кожу

Меняю кожу, но не мир внутри,
Расту – и старая меня стесняет.
В душе кровавые жгут волдыри,
Но эта боль от хвори исцеляет.

Её не променяю ни на что,
Пускай душа болит, дух укрепляя,
А сердце, хоть сплошное решето,
Пусть будет мягким, как трава густая.

Глаза пусть источают волшебство,
Улыбка расцветает озареньем,
Душевное являя естество,
Рождённое монашеским смиреньем.

Укор замрёт стыдливо

Отдаю все силы без остатка,
Заживляя телом старым шрамы.
Да, ворчу, но больше для порядка,
Забавляясь тяжкими трудами.

А когда предстану перед Богом,
Вытерплю взгляд даже самый строгий,
Зная, что, паря над всем высоко,
Стал теперь святее очень многих.

Да, не обивал пороги храмов,
Веру сердцем сберегал ревниво,
Шёл и говорил настолько прямо,
Что любой укор замрёт стыдливо.

С Уайльдом невозможен спор

Трагедия старости не в том, что человек стареет,
а в том, что он душой остаётся молодым[1].
Оскар Уайльд

Время ускоряет бодрый бег,
Все отрезки жизни сокращая.
Устаёт от гонки человек,
Вот и старость рядом – скорбь седая.

На старуху бедный не глядит,
До неё как будто нет и дела.
У него свиданье впереди.
Знать, душа ещё не постарела.

Да, конечно, молодость ушла,
Только он как будто не заметил.
Каждому дана своя шкала,
Может быть и в старости мир светел.

Да, уже не встать на смертный бой,
Не взлететь наверх по косогору,
Но душой он всё ещё ковбой,
Утром видит юную аврору.

Но с Уайльдом невозможен спор,
Мудрость не отвергнуть без причины.
Отложу на время разговор,
Подожду превратностей судьбины.

[1] Перевод Марии Абкиной.

Напрочь замурованная дверь

Худшее из тяжких испытаний,
Что не пожелаешь и врагу,
Назову тебе без колебаний,
Может, от беды уберегу.

Избегай быть с тем, кому не нужен,
Сердце понапрасну не волнуй.
В море синем множество жемчужин,
Подожди попутную волну.

Я себя мнил выше всех законов,
Не боялся ни подводных скал,
Ни свирепой ярости циклонов,
Но наград за это не снискал.

«Ты не нужен», – слово мёртвым штилем
Превращает судно в жалкий бот.
И неважно, сколько там под килем,
Катастрофа парусник твой ждёт!

Что ж, мой друг, меня ты не дослушал,
Вышел в море, не боясь потерь.
Нам с тобой спасительная суша —
Напрочь замурованная дверь.

Мне, несчастному, утеха

Вновь слышу эхо тишины
Не в ясном всем, научном смысле,
Когда движением волны
Твой звук к тебе обратно прислан.

Нет, здесь обратно тишина
Волной неслышимой приходит,
Ни от чего отражена
И не слышна совсем мне вроде.

Но различает всё же слух
Волну, пришедшую обратно,
Не потому, что стал он глух,
А просто эхо ловит жадно.

От тишины он заболел,
Желает, чтобы выли вьюги,
Готов пойти и под расстрел,
Лишь только б снова слышать звуки.

Открою вам большой секрет:
Из тишины родятся грозы,
Стартуют тысячи ракет,
Стихи воюют с подлой прозой.

Из тишины всё состоит
В моей тиши: дома и замки,
Топор, насквозь пробивший щит,
И песня на лесной стоянке.

В тиши своей брожу один,
Ступая робко, неуклюже,
Как пёс больной среди руин,
Страдая спазмами удушья.

Я не имею ничего,
Лишь тишины глухое эхо.
Призна́юсь, что оно мертво,
Но мне, несчастному, утеха.

Приключение опасно

Приключение опасно!
А рутина несмертельна!
Любим часто мы напрасно,
Лучше век прожить бесцельно.

Ненавижу чистить зубы,
От бритья давленье скачет,
Прогорели в дыры трубы,
Привыкаю к неудаче.

Утром вышел – будто смену
Отработал я ночную,
А теперь – день биться в стену,
Большей частью вхолостую.

Вечер тащит еле-еле
Тело ватное без духа.
Доползаешь до постели,
Но теперь проснулось брюхо.

Мысли – тоже все ни к чёрту,
Эта дрянь, а та не к месту,
Эта – всё того же сорта:
Не найти ли мне невесту?

Как и всё наше стадо

Написал – сразу в стол,
До прилёта кометы.
На столе – этанол,
Чтобы править сюжеты.

Часто слишком слепа
И кокетлива слава,
Невозможно глупа
И коварного нрава.

То же, что и жена:
Иногда словно стерва,
Иногда – сатана,
Но в любви будет первой.

Перед зеркалом встань
И представь в нём невесту:
Если робкая лань,
Рядом с ней ты не к месту.

Не провидец, не лжец,
Не за правду рубака,
Не герой, наконец, —
Заурядный писака.

Но в себя ты влюблён,
А другого не надо.
Навсегда освящён,
Как и всё наше стадо.

Ты сам творец своей судьбы

Мир будто бы сошёл с ума,
В душе любой у нас писатель,
Хоть дар имеет для письма
Лишь настоящий прорицатель.

Вдали от всех, где только мрак,
В котором тают сновиденья,
Без перьев, свечек и бумаг
Нам судьбы пишет провиденье.

Там связан мир в одной петле,
Видна без глаз судьба любая
И всё, что будет на земле,
Предвидится, не ускользая.

Судьбой пожалован и я.
Была ль она большой наградой?
Угрозой смертной острия?
Красоткой милой, но щербатой?

Могу ли я судьбу винить,
Как равнодушный к ней читатель?
И есть ли повод заклеймить
Всё, что предрёк мне злопыхатель?

Могу ли восклицать: здесь ложь!
Я не хочу быть подлым трусом:
Здесь на предателя похож,
А тут простецки назван гнусом.

Написанное не пером
Любому изменить по силам.
Так не считай судьбу ярмом,
Чтоб ненароком не сгубила.

Ты сам творец своей судьбы
И властелин своей вселенной.
Не будет счастья без борьбы
И воли к лучшему бесценной.

Там мир – как тесная петля,
Ясна без глаз судьба любая
И вся огромная земля
Видна от края и до края.

Торговец сквозняками

На вокзале многолюдном
Между грозными валами
Шумной спешки поминутной
Торговал я сквозняками.

Недоверчивый народец
Не расстанется с монетой,
Не торгуясь за червонец,
Хоть пространство перегрето.

Покупают всё, что можно,
Всё, на что хватает денег.
На сквозняк глядят тревожно:
Продавец-то не мошенник?

«Да, конечно! Все мы потны,
Запустить бы свежий воздух!
Но вопрос: они пригодны?
Сквозняки – не то, что обух!»

«Почему кладётся на бок?»
«Можно глянуть на изнанку?»
«Должен быть на ощупь зябок!»
«Хорошо бы пробу в банку!»

Просыпаюсь. Боже правый!
Чертыхаюсь, причитая:
Сохрани мой разум здравым,
Близок к бреду! Мать честная!

Но внезапно озаренье
Яркой молнией сверкнуло,
Надоумило прозреньем,
Замер в скорби я сутуло.

«Называешься поэтом?
Наводняешь мир стихами?
Почему же диким бредом
Счёл торговлю сквозняками?»

Таблетки от страха

Свершилось! Торжествует гений!
Мир славит, словно божество,
Героя множества свершений,
Стоящих рядом с волшебством.

Вот и теперь истошным «ахам»
Уже потерян всякий счёт,
Таблетка мощная от страха
В продажу массово идёт.

Все ждут, что множество героев
Придёт на место слабаков
И мир Божественных устоев
Заменит рай земной грехов.

Но сокровенные надежды
Не оправдались, и, увы,
Остались люди, как и прежде,
С проклятьем жутким родовым.

Не раскупаются таблетки:
Они отважным не нужны,
Носящим трусости отметки
Призывы к смелости страшны.

Призыв поэта

Ответьте на призыв поэта,
Призыв любви, не праздных слов.
Душа предчувствием согрета
Согретых страстью вечеров.

Воспламенённая улыбкой,
Кровь, буйной ставшая, зовёт
К объятиям, в которых пылко
Блаженство надвое прольёт.

Покурил натощак

Ангел белый махнул ли крылом?
Или просто гуляет сквозняк?
Что-то слышу я в небе ночном?
Или вновь покурил натощак?
Шквал ревёт. К морю мчится вино.
На себя мне давно всё равно.

Заспешили и звёзды домой,
Поднимая дорожную пыль.
Пара в белом, но с чёрной каймой
Зажигательно пляшет кадриль.
Рядом вечность. В окошке – луна.
Где же юность? Прошли времена!

А в пустыне разлился вновь Нил.
Где-то лёд на седых берегах.
Все счета я давно оплатил,
Почему же теперь в минуса́х?
Ночь остыла. Молитва к чему
Приурочена? Что? Не пойму.

Закрыт ларец

И я, бывает, к высшей власти
Покорно шлю молящий взор,
Когда невзгоды и напасти
Лишают силы дать отпор.

И я, как все, душонкой нищей
Ищу божественный приют
С обильной недуховной пищей
И высших сил гуманный суд.

Но мало этого, хоть тресни,
Желаю, чтобы был любим,
Чтоб удавались чаще песни
И тяготел к делам благим.

Возможно, что желаю много?
Не всем бывает Он открыт.
Глядит с иконы взглядом строгим:
«Чего ещё? Ты вроде сыт!»

Я отвечаю: «Жажда блеска
Меня терзает день-деньской,
В тени нелепого гротеска
Я не могу найти покой!

Дай искру яркого таланта,
Огонь способную разжечь,
И блеск бесценный бриллианта,
Которым можно всех увлечь».

Молитва скорбная напрасна.
В недоумении Творец,
Взглянув спокойно-безучастно,
Закрыл щедрот Своих ларец.

Не золотую мишуру

О чём лишь в мире не судачат!
И правду говорят порой.
К примеру, чтоб привлечь удачу,
Неплохо сделать бы добро.

Да разве можно по-другому?
Сомнения не по нутру.
Не лучше ли стелить солому,
Чем золотую мишуру?

Люди хуже

К нам смерть великодушна,
Всегда приходит в срок,
Того, кого не нужно,
Не тащит под шумок.

Намного люди хуже:
Задёшево убьют.
В насилии их души
Находят свой приют.

Приходит смерть как благо,
Когда жить силы нет.
У человека тяга —
Убить, не зная лет.

Смерть забирает старых,
Больных, едва живых.
Мы убиваем храбрых,
Красивых, молодых.

Поэтому на Бога
Привыкли уповать,
Чтоб лучше хоть немного
В глазах своих предстать.

Кто меня на смерть обрёк?

Луна крадётся в облаках,
Внизу печальная равнина
То на свету, а то впотьмах.
И в мыслях – та же мешанина.

Светло, вновь тьма – круговорот,
Давно закон природы писан.
Ему не объявить бойкот,
Я на него, как червь, нанизан.

Хотел бы от себя уйти,
Но силы, чуждые вселенной,
Удерживают взаперти
За частоколом высоченным.

А там тьма вновь меняет свет.
Во всём пространстве обозримом
Лишь грозные хвосты комет
Ко мне летят неудержимо.

Когда зажжётся огонёк
На горизонте, тьмой укрытом?
И кто меня на смерть обрёк
Укусом в сердце ядовитым?

Господь, оставь поэта!

Господь, оставь поэта!
О большем не молю.
Устав ходить по следу,
Хочу я встать к рулю.

Вращая круг штурвала,
Сам буду знать о том,
Как быть с девятым валом,
Со страхом и с врагом.

Вдохну могучей грудью
Блаженный аромат
Свободы на распутье,
Не взятой напрокат.

И в талант поверится

Сыпать буквы и слова
Мне, бывает, хочется.
В это время пацанва
Строит дом в песочнице.

Строчка – разума игра,
То известно подлинно.
Пусть шутливая вчера,
В день иной – особенна.

Из простой игры в песке
Возникает зодчество.
Смысл, заложенный в строке,
Возвышает творчество!

Знаков чёрных чехарда —
Сущая безделица,
Жизнь вдохни в неё – тогда
И в талант поверится.

Почитай за идеал
Гения великого,
Чтобы стих твой не рыдал
Голосом безликого.

Будь счастлив

Достигнуть счастья невозможно,
Счастливым можно только быть.
Прими прекрасным то мгновенье,
В котором смерть и воскрешенье
Возможно вместе ощутить.

Будь счастлив перед новой битвой!
Нет лучшего в твоей судьбе!
Предстанешь доблестным героем,
Возможно, про́клятым изгоем,
Но это – счастье, шанс в борьбе.

Не бойся длительной дороги,
Не уставай идти вперёд,
Будь счастлив в абсолютном штиле
И в бурях, что суда топили,
Пока мечта тебя зовёт.

Невыносима жизнь

Невыносима жизнь, но нет альтернативы.
Смерть кажется ужаснее всего,
И, как бы ни были по жизни несчастливы,
Страшит старухи чёрной сватовство.

Противно быть причастным к сущности животной,
Нужда которой – слава, похоть, власть.
И, апеллируя к законам благородно,
У ближнего преступно, подло красть.

Живое мы не почитаем и не любим:
Убей, иначе мёртвым станешь ты,
Поэтому всё бьёт и бьёт военный бубен,
По свету множа новые кресты.

Это – песенка моя

Напеваю: ля-ля-ля,
Это – песенка моя!
В ней бескрайние поля,
Крик небесный журавля,

И лазурные моря,
И вечерняя заря.
Я её пою не зря:
Чудо – песенка моя!

Пойте весело со мной
Под мотивчик озорной,
Чтобы быть во тьме ночной
Позитивным, как и в зной.

Распеваю потому,
Что пора дать сон уму,
А под эту кутерьму
Быть серьёзным ни к чему.

Пойте, будет веселей,
Подобреет Бармалей,
Станет каждый с ней смелей
Самых грозных королей.

Утомился я чуток,
Еле слышен голосок,
Вот катрен на посошок,
А потом – рот на замок.

Ведёт Россия СВО

II. ВЕДЁТ РОССИЯ СВО

Россия велика

С чего в открытые ворота
Не раз побитая Европа
Стучит костлявым кулаком?
Желает вновь сразиться в поле
И потеснить нас на престоле,
Добытом праведным клинком?

Откуда столько гордой спеси
Скопилось в диком мракобесе,
Готовом убивать людей?
Мол, мы создания тупые,
Забыв про подвиги былые,
Прислугой будем у зверей!

Немало саксов, франков, го́тов
И множество других народов
Погибель здесь свою нашли.
Неужто носитесь вы снова
С идеей давней, но бредовой
Урвать у нас клочок земли?

Ползут вновь танки с хищным лязгом
На направлении донбасском,
Готовя яростный бросок.
Но нет вождей, достойных славы
Российской ядерной державы,
Способных двинуть на восток.

Оставьте нас, пока не поздно,
Мы соберёмся мощью грозной,
Пойдём бесстрашно на врага.
Не взять вам нас ни силой клятой,
Ни призраком колонны пятой,
Россия слишком велика!

Жива Русь доблестью солдата,
Победой, как и в сорок пятом,
Но и оружием сильна.
Не покушайтесь на свободу,
Не лезьте вновь, не зная броду.
Тому – кровавая цена.

Ведёт Россия сво

Стеснённая вокруг морями,
С комфортной жизненной средой,
Европа старая веками
Жила военной суетой.

Дрались за землю и богатства,
За мир, свободу и рабов,
Конечно, против святотатства,
Друг друга, мало ли врагов?

Дрались упорно и жестоко,
Кровь, как вода, текла рекой,
Нередко так: за око – око,
Но чаще с целью воровской.

Между собой дрались привычно,
Лицом к лицу, исподтишка.
Потом раздвинулись эпично,
Благословив крестом войска.

Всё, что возможно, покорили,
Повсюду сея смерть и страх,
Рабами быть всех приучили,
Чтоб жить самим в густых садах.

И только земли на востоке,
Вокруг Московского Кремля,
Не удавалось брать с наскока
Отрядам слабым короля.

Но часто острыми мечами
Руси грозили, щуря глаз,
Живя давнишними мечтами:
Когда-нибудь ограбить нас.

Объединённые, бывало,
Под светом роковой звезды,
Порывом огненного шквала
Несли нам зло – свои мечты.

Где эти варварские орды?
Легли бесславно тут и там,
Для них мы были слишком твёрды,
Лишь добавлялся жуткий шрам.

Но видим: в двадцать первом веке
Зло снова силу обрело,
Додумались «сверхчеловеки»,
Как победить страну с ЯО.

Не только подлые соседи
Воюют с нами словно львы,
За ними – джентльмены, леди,
Чьи руки до локтей в крови.

Нас рвут всё те же злые твари,
Ополоумев от смертей,
Ослепнув в оружейной гари,
Зубами хищных челюстей.

Опять они глядят в прицелы,
Бомбят, что могут, без ума,
Отравленные смертью стрелы
Летят в родильные дома.

Всё для того, чтоб то богатство,
Которым одарил нас Бог,
Забрать себе со злым нахальством,
Отвергнув добрый диалог.

Хотят страну делить на части.
Кому что надо? Выбирай!
Потом в садах своих жить в счастье,
Устроив там греховный рай.

Для этого по белу свету
На улицах Европы всей
Гоняют клич, как эстафету:
«Увидел русского – убей!»

Рестрикциями, как удавкой,
Хозяйство стиснули страны,
Грозят хвалёным томагавком
И бесконечностью войны.

Они опять за всё в ответе,
Им смерть – святое божество…
Чтоб мир царил на всей планете,
Ведёт Россия СВО.

Моей России

Россия, образ твой прекрасный
Я в сердце сызмальства несу.
Огромна! Можешь быть ты разной
В день ясный, в зиму и грозу.

Быть можешь скромной деревушкой
На тихом берегу реки,
Слышна в которой и кукушка
Да важно ходят гусаки.

А тут промышленным гигантом
Растёшь в тени громадных труб,
Там расщепляешь мирный атом,
Да мало ли что может труд!

Терпела много Русь святая!
Идя сквозь битвы и века,
Соседей злобных затмевая,
Зашла за край материка.

Опять желает сила вражья
С войной пожаловать в страну,
Но есть кому стоять на страже,
Когда сама жизнь на кону.

Я верю, сдюжишь ты и это!
Какая б ни пришла беда,
Бог награждал всегда победой
За то, что ты была тверда.

В России мы росли

Снова небо над нами тревожное,
Снова в двери стучится война,
Значит, вновь совершить невозможное
Призывает родная страна.

Снова небо – не синее кружево —
Прокопчённое в едком дыму.
Значит, наше великое мужество
Вновь докажем врагу своему.

Мы представим ему неизменное
Понимание с древних веков:
Чувство Родины – чувство священное —
Не исчезло из наших рядов.

Не впервой воевать с лицемерами,
Пожелавшими нашей земли.
Остаёмся сынами ей верными,
Помнит каждый: в России росли.

Завтра в пекло снова

Завтра в пекло снова
С дымом и огнём,
Наша жизнь сурова,
Но не подведём.

Знаем, пуля-дура
Помнит только: «вжик»,
Веская фигура —
Обнажённый штык.

Вспоминаю локон
Над твоим виском,
Как же ты далёко,
В горле давит ком.

Шквальные обстрелы,
Из осколков дождь…
Но вернёмся целы,
Нас хранит Господь.

Не поэзия, а пушки

Истории читаю свиток:
В Европе близится раскол,
Как будто в пенистый напиток
Вливают тайно метанол.

Читатель с каждым днём бледнее
От новостей с приставкой «топ»,
Евразия с петлёй на шее
Пустилась в бешеный галоп.

Как «нам поможет заграница»?
Зачах надежд пустых росток!
Она, как старый конь, косится,
Скакать не смея, на восток!

Я думал, что война неблизко,
Пока в окно не увидал,
Как смерть летит с безумным визгом
И убивает наповал.

Опять тебе, моя Россия,
Грозят наточенным штыком,
Но будет так: цвет неба синий
В сияньи солнца золотом!

Ответит им отнюдь не Пушкин,
Не гений, а мужик-храбрец,
И не поэзия, а пушки,
Чьё слово – грохот и свинец.

Россия – больше, чем святыня,
Когда сжимается кулак.
Падёт восставшая гордыня,
Поймёт народ, кто здесь чужак!

Но посчитаю неуместным,
Чтоб с Божьей правдой славянин
В Париже встал стопой железной,
Пройдя Варшаву и Берлин.

Найдите аргумент железный

Молись, но лбом об пол не бейся,
Надейся, но и не плошай!
Храни очаг и мир в семействе,
Расти усердно урожай.

О жизни большего не скажешь,
Она дана не навсегда,
И стоит ли стоять на страже
Того, что в общем – ерунда?

Нам, человечеству, присуще
Пятой железной попирать
Свой мир, живя мечтой, влекущей
Людей на смерть за ратью рать.

Мольбы любые бесполезны,
Когда стучится в двери враг.
Найдите аргумент железный,
Чтоб защитить родной очаг.

Смотря сюжеты про войну

Общага – дом родной для многих,
Прожил в ней лет пяток и я.
Вдали от мамы с папой строгих
Жизнь – сразу тётка и судья.

На лаврах ветреной свободы
Не каждый может почивать:
Несёт искать слепые броды
И невозможного желать.

Нет ни кнута нравоучений,
Ни сласти маминой любви,
Ни многочисленных сомнений,
Кого просить: «Благослови!»

Промчалось время, как лавина,
Одно мне помнится теперь:
Ну очень вздорная картина,
Но ты, пожалуйста, поверь!

Мордвин, еврей, львовянин, русский,
Хоть и не ждал их гонорар,
Друг другу не давая спуску,
Поднялись, словно на пожар.

Пусть воскресенье, пусть и рано,
Но всё ж решились на подъём,
Пошли послушно, без аркана
Голосовать все вчетвером.

Хотели сонные студенты
Своим поступком дать посыл:
Ещё найдутся аргументы,
Что у Союза – крепкий тыл.

Исполнив долг и выпив чаю,
Вернулись к прерванному сну…
Об этом часто вспоминаю,
Смотря сюжеты про войну.

Победу мы благодарим

Какая к нам катила сила!
Такой уже не будет впредь!
Орда фашистская грозила
Страну с лица земли стереть.

Добыча лёгкая, Европа,
Лишь раззадорила их пыл:
Пройдя её лихим галопом,
Приобрели надёжный тыл.

Весь материк пришёл под стяги
Служить коричневой чуме,
Фашистской нечисти вояки
Топили мир в кровавой тьме.

Но поднялась страна навстречу
Не битым до того врагам,
Устроив яростную сечу
Сбесившимся от крови псам.

Весы качнулись ненадолго,
Беда нависла над страной,
Но с чувством жертвенного долга
Пошли солдаты в смертный бой.

Победы в яростных сраженьях
Мы не забудем никогда,
Они – источник вдохновенья
Для плодотворного труда.

За мирный труд под чистым небом,
За то, что любим и творим,
За счастье жизни в ритме мерном
Победу мы благодарим.

Благодарим живых и павших,
В сражениях и у станков
Победу доблестно ковавших,
Отчизне преданных сынов.

Родина великая, родная

Над тобой летая вольным ветром,
Приласкаю поле золотое,
Поклонюсь берёзкам светлым, кедрам,
Вознесусь и в небо голубое.

Я увижу утренние зори,
Как летят орлы, с простором споря,
Лес в богатом огненном уборе,
Шквал свирепый вспененного моря.

Я б хотел тебя обнять руками,
Теплоту души передавая,
Возвеличить образ твой делами,
Родина великая, родная.

Мне не надо жребия иного,
Чем бороться за тебя, Отчизна,
Защищать в бою от зла чужого,
Отдавая силы бескорыстно.

Стоять за жизнь страны

Не имя – позывной,
Как принято теперь,
Когда вновь над страной
Ревёт свирепый зверь.

Здесь выжжена земля,
Горит в огне металл,
На Марсовых полях
Даёт смерть шумный бал.

Душа, живая плоть
Не могут обитать
Там, где и Сам Господь
Не может смерть сдержать.

Она нам не указ,
Понявшим жизнь давно:
«Сражайся в смертный час,
Прими, что суждено!»

Как ангелы в аду,
Мы доблести полны,
Чтоб в огненном чаду
Стоять за жизнь страны.

Когда жизнь в живом ещё облике стёрта

Никто не услышит молитвы солдата,
Не той, об удаче на завтрашний бой,
А этой, в предчувствии взрыва снаряда,
Когда слух пронзает неистовый вой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.